

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Научная статья

УДК/UDC 712.01

DOI: 10.24412/1998-4839-2024-2-56-64

Проблема языков описания ландшафтов и ландшафтного проектирования**Глеб Анатольевич Соболев¹**

Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

ya@gsobolev.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы ограниченности языков вербального и визуального описания ландшафтов и ландшафтных проектов, коллизии и лакуны, возникающие при использовании различных лексиконов. Автором ставится вопрос о соответствии архитектурных теорий ландшафтов принципу «фальсифицируемости» научных теорий Карла Поппера, рассматриваются примеры описаний ландшафтов в литературе и визуальных языках – от живописи до кинематографии. В выводах статьи автор предлагает ввести в научный оборот «лево- и правополушарные» дескриптивные методы для повышения уровня определенности эстетических теорий при создании и оценке ландшафтов и ландшафтной архитектуры.

Ключевые слова: дескриптивный метод, фальсифицируемость, визуальный язык, ландшафт, ландшафтная архитектура

Для цитирования: Соболев Г.А. Проблема языков описания ландшафтов и ландшафтного проектирования // Architecture and Modern Information Technologies. 2024.

№2(67). С. 56-64. URL: https://marhi.ru/AMIT/2024/2kvart24/PDF/04_sobolev.pdf

DOI: 10.24412/1998-4839-2024-2-56-64

ARCHITECTURAL HISTORY AND CRITICISM

Original article

The problem of landscape description languages and landscape design**Gleb A. Sobolev¹**

Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

ya@gsobolev.ru

Abstract. The article discusses various languages of verbal and visual description of landscapes and landscape design, collisions and gaps that arise when using different lexicons. The author raises the question of the correspondence of architectural theories of landscapes to the Karl Popper's principle of «falsifiability» of scientific theories. Examples of descriptions of landscapes in literature and visual languages in painting, cinematography are considered. In conclusion the combination of “left-brain” and “right-brain” descriptive methods into scientific circulation is proposed to increase the level of certainty of aesthetic theories when creating and evaluating landscapes and landscape architecture.

Keywords: descriptive method, falsifiability, visual language, landscape, landscape architecture

For citation: Sobolev G.A. The problem of landscape description languages and landscape design. Architecture and Modern Information Technologies, 2024, no. 2(67), pp. 56-64.

Available at: https://marhi.ru/AMIT/2024/2kvart24/PDF/04_sobolev.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2024-2-56-64

---

¹ © Соболев Г.А., 2024

Любая область исследований требует определённого языка или лексикона, наиболее точно и достоверно описывающего изучаемый предмет. Но, кроме описываемого предмета, есть и предполагаемая аудитория читателей и пользователей информации. Если в математике, физике, химии, биологии и других точных и естественных науках есть свои языки описания, которыми пользуются учёные, а тексты об исследуемых ими предметах и процессах циркулируют в узком профессиональном научном сообществе и, в принципе, не ориентированы на широкие слои общества, или выходят в популярном изложении или уже готовых изделий и систем, то в области визуальных искусств и объект, и процесс создания заведомо доступны всем – номинальным или потенциальным образом.

В области архитектуры и ландшафтной архитектуры объекты или уже даны нам как существующие пространственные феномены или существуют в профессиональной сфере как плоские чертежи на бумаге и экране или как трёхмерные схемы той или иной степени достоверности. До момента завершения строительства объекта или реализации паркового ландшафта даже автор не может точно предсказать эффекты воздействия своих объектов на зрителя или пользователя, что в принципе противоречит научной парадигме. Если в архитектуре аппроксимация представляемого проекта и реальных объектов находятся в достаточно узком поле, то в ландшафтной архитектуре область описания значительно более неопределённая, а реальные объекты всегда открыты и меняются вместе с сезонами, колебаниями погоды и климата, ростом или деградацией растений. Степень неопределённости характеристик, описываемых проектом, или уже существующего объекта ландшафтной архитектуры, стремится к бесконечности. Визуальные и звуковые средства описания всегда оставляют лакуны – невозможно даже представить, в каком месте и в какое время в ландшафте появится или исчезнет какое-либо растение, какими будут его листья и цветы в следующем сезоне (естественно в рамках характеристик конкретного вида) и какое впечатление они произведут на зрителя.

В архитектуре зданий степень определённости описания существенно выше, и мы даже имеем примеры реконструкции существовавших зданий или строительства новых по словесным описаниям с достаточно большой достоверностью (яркий пример – это тексты «порядных» на строительство деревянных зданий). В природных ландшафтах даже две фотографии одной и той же местности, снятые с небольшим временным интервалом, могут отличаться до неузнаваемости. В ландшафтной архитектуре мы сталкиваемся с тем, что эмоциональные словесные описания естественных и рукотворных объектов могут гораздо точнее, чем сухой профессиональный язык, доносить до зрителя/читателя/слушателя образ объекта, особенно в сочетании с живописными изображениями, и, если в архитектуре зданий мы сталкиваемся с объектами с чёткими физическими границами, то в ландшафте, кроме замкнутых дворовых садов, мы всегда имеем дело с открытой системой, хотя и в монастырском саду, и в оранжерее эти границы всё равно расплывчаты. В естественных и пейзажных парковых ландшафтах аналогами устойчивых архитектурных объектов могут выступать скалы, водоёмы (которые тоже в какой-то степени меняются), или характерные деревья и группы деревьев. Именно эти изменчивость и неопределённость создают определённые проблемы для «эстетических теорий» ландшафтов.

Требования к научной публикации заведомо ограничивают способ изложения результатов анализа свойств и особенностей визуальной среды с помощью письменных знаков с определёнными характеристиками – высота кегля, пробелы, количество знаков, определённые семантические, грамматические и лексические свойства языка описания публикации, и т.д., и т.п. Разные языки имеют специфические лексиконы для описания явлений мира, определяемых географическими и климатическими, социальными условиями проживания носителей языка.

Условно, в соответствии с психофизиологическим делением функциональных ролей полушарий мозга, типы языка описания, к которым относятся и визуальные языки чертежа/рисунка, можно разделить на левополушарные (логические / вербальные /

структурно-функциональные) и правополушарные (синтетические/ эмоциональные/ алогичные).²

Данная статья пишется на русском языке и естественным будет сравнить разные варианты языковой картины одного конкретного ландшафта. Попробуем сравнить несколько коротких фрагментов для проявления границ языков описания на примере усадьбы Болдино:

«Октябрь уж наступил – уж роща отряхает
Последние листья с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад – дорога промерзает,
Журча ещё бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы».³

Фрагмент поэмы «Евгений Онегин» был написан А.С. Пушкиным в Болдино в 1833 году. Для человека, знающего климат и природу русской равнины, эти строки достаточно точно опишут визуальный и сенсорный ряд ощущений конкретного времени года, но вызываемые в сознании читателя, не бывавшего в Болдино, образы будут заимствованы им из собственных воспоминаний. При посещении Болдино в схожих погодных условиях мысленный образ и увиденная реальность могут как совпасть, так и разойтись кардинально, что будет зависеть от множества мелких личных обстоятельств, начиная с состояния здоровья и комфортности одежды, настроения спутников или экскурсовода, до проблем дома или по дороге и т.п.

Ниже, справочное описание геологического строения ландшафтов Больше-Болдинского района с сайта Арзамасского филиала Университета Лобачевского:

«Сеченовская возвышенность расположена на крайнем юго-востоке Нижегородской области. Здесь находятся самые высокие отметки в области – до 250 м (деревня Садовая Больше-Болдинского района). К северу от с. Сеченова распространены более низкие поверхности выравнивания, ступенями снижающиеся к р. Суре: 200-180 м и 170-150 м. Для возвышенности характерны широкие водоразделы, длинные спрямлённые долины с выпуклыми склонами. Рельефообразующими породами являются тёмно-серые и чёрные глины мелового периода, перекрытые сверху маломощными покровами элювиально-делювиальных отложений»⁴.

Может ли это описание помочь зрителю/посетителю, незнакомому с геологической терминологией, да и специалисту, оценить какое впечатление от болдинских пейзажей останется у него в памяти после посещения? Точнее ли этот научный лексикон, чем пушкинские строки? Вдохновит ли этот текст художников, писателей, иностранных туристов на совершение поездки в Болдино или создание творческого произведения? Те же вопросы можно задать и к следующему описанию из Википедии:

«Село Большое Болдино – административный центр округа, расположено на юго-востоке Нижегородской области в 250 км от областного центра – города Нижний Новгорода, в 38 км от ближайшей железнодорожной станции Ужовка и более чем в 100 км от крупных промышленных центров – городов Арзамаса и Саранска. Район граничит на востоке с Республикой Мордовия, на севере с Краснооктябрьским районом, на западе с Гагинским и Лукояновским районами и на юге с Починковским муниципальным округом.

² Пономарёва О.Н. Профессиональная компетентность преподавателя: обучение с учётом лево- и правополушарного типа мышления // Современные проблемы науки и образования. 2015. №1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17846> (дата обращения: 16.05.2024).

³ Пушкин А.С. Сочинения в 2-х томах. Том 1. Стихотворения, поэмы, сказки. Москва: Художественная литература, 1982. С. 182.

⁴ Нижегородское краеведение – рельеф // Университет Лобачевского, Арзамасский филиал: официальный сайт. URL: <https://arz.unn.ru/2016-05-16-10-34-33/1120-2016-05-17-09-58-04> (дата обращения: 16.10.2023).

Большеболдинский район располагает богатыми рекреационными и туристическими ресурсами, которые представлены объектами природы, памятниками истории, архитектуры и градостроительства, живописными ландшафтами, а также благоприятными климатическими условиями для отдыха и туризма. Площадь района: 866,47 кв.км⁵.

А вот так представил бы психолог те процессы, которые происходят в сознании человека в момент чтения стихов Пушкина или посещения его усадьбы-музея в Болдино:

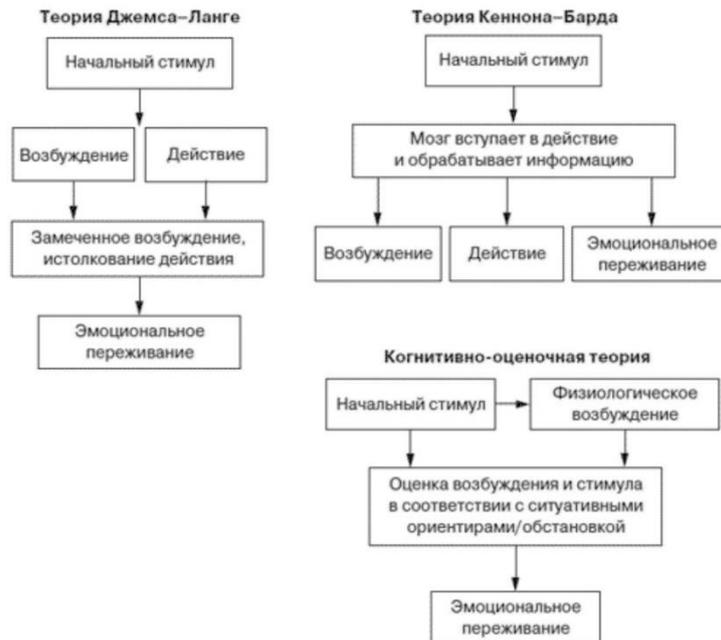

Рис. 1. Сравнение трёх теорий эмоций по Р. Герригу и Ф. Зимбардо

Если архитектор принимает решение создать ландшафт, схожий по ощущениям с пушкинскими строками, нужно ли ему принять в качестве руководства сами стихи, или начать с изучения психологии, геологии, географии, ботаники, климатологии, нормативной базы? Будут ли эти знания гарантировать эмоциональное «попадание» в пушкинский образ осени в Болдино? Наверное, нет. Является ли целью теории архитектуры некое объективное знание в рамках «строного научного языка и методологии», гарантирующее 100% повторяемость результатов эксперимента при одних и тех же условиях? Выполнима ли эта задача в принципе для архитектурного теоретика и практика? И необходим ли такой результат?

В качестве доказательства научности любой теории Карл Поппер предложил принцип «фальсифицируемости» результата. В «теории» архитектуры, в принципе, это звучит как бессмыслица. Можно рассмотреть сразу десяток «архитектурных теорий», и все они окажутся возможны к реализации в той или иной форме, если они не противоречат объективным физическим законам гравитации и сопромата. А вступая во владения Флоры, мы оказываемся ещё в большей неопределённости, чем в работе с «мёртвым» строительным материалом зданий. Мы вступаем в область феноменального, «данного нам в ощущениях», если говорить словами Эдмунда Гуссерля из работы «Идея феноменологии» [2], а задачей «теории» архитектуры становится создание поля эмпатии, без которой настоящее творчество невозможно. И, опять, мы сталкиваемся с проблемой языка. Если главной задачей стилистики текста статьи, диссертации, монографии, является выполнение формальных требований для публикации, то язык наших текстов

⁵ Большеболдинский район // Википедия: свободная энциклопедия. URL: [Большеболдинский район](https://ru.wikipedia.org/wiki/Большеболдинский_район) — Википедия ([wikipedia.org](https://ru.wikipedia.org/wiki/Большеболдинский_район)) (дата обращения: 16.10.2023).

может оставаться таким, как его сейчас легко имитирует искусственный интеллект, но, в итоге, это приведёт нас в тупик замкнутого цикла ограниченности описательных языковых возможностей. Если в точных науках есть задача обеспечить точную воспроизводимость результатов исследования, то в теориях творческих, вероятно, стоит задача обеспечения разнообразия результатов в пределах каких-либо рамок, часто определяемых не автором теории, а тем, кто ей вдохновляется. Ярким примером «воспроизводимости результата теории» в архитектуре является типовое панельное строительство, которое решает поставленные задачи с максимальной точностью в любом месте и в любой момент времени.

А вот так описал по запросу автора процесс восприятия ландшафта ИИ ChatGPT⁶: «Восприятие ландшафта – сложный и многогранный процесс, включающий сенсорное восприятие и интеллектуальное понимание форм и структур, пространственных отношений и свойств объектов. Важным аспектом ландшафтного устройства и планирования является его эстетическая оценка, позволяющая получить общее представление о красоте и гармоничности окружающей среды».

Вильгельм Воррингер в работе «Абстракция и эмпатия» [3] в 1907 году, за 7 лет до Первой мировой войны, и за год до текста «Орнамент и преступление» Адольфа Лооса [4], пишет о том, что абстракция – это попытка ухода из тревожащего мира, утеря способности к эмпатии. А эта утеря в нашей современности открывает ворота для сплошных рубок лесов, устройства песчаных карьеров вместо исторических пейзажей, строительства бетонных «человекиков». Нужна ли когнитивная психология ландшафтов для того, чтобы ощутить красоту осеннего леса или зимнего пейзажа долины замёрзшей реки? Насколько на наше сознание влияет то, что мы используем не иероглифы, а алфавит? Хайку из трёх строк иероглифов в сочетании с изображением пейзажа не даёт ли более полное впечатление даже профессионалу, чем многостраничный труд по «особенностям формирования влияния многоуровневых террасных садов на менталитет жителей Вавилонского царства периода правления Навуходоносора»⁷. Мы с большей вероятностью найдём в переплетении ветвей деревьев восточные иероглифы, чем кириллический или латинский алфавит, а линии этих иероглифов на свитке могут значительно точнее передать ощущения от описываемого в хайку пейзажа. Академик Лихачев в работе «Поэзия садов» находит способ совместить научность изложения через «историческую документальность» в сочетании с богатым поэтическим языком, вовлекающим читателя эмоционально [5]. Иллюстративная «скудость» при богатом языке книги поощряет желание увидеть описываемые пейзажи в реальности более, чем «роскошь» современных альбомов архитектурных мод.

Пейзажи русской природы в стихах Пушкина, в прозе Тургенева или Аксакова, через личную вовлечённость авторов, разнообразие описаний и скрытых ритмов, оказываются значительно точнее в передаче ощущений от ландшафтов, чем отстранённый язык научных статей.

В своём «Словаре для безграмотных» Борис Родоман сознательно смешивает научные, бытовые и сленговые термины, что сразу придаёт многомерность и жизненность сухой словарной форме⁸.

Из ярких примеров выхода за границы «формального» языка научных описаний ландшафтов стоит отметить приёмы, используемые антропологом, специалистом по антропологии ландшафтов, британским учёным Тимом Ингольдом, который организует материал книги «The Life of Lines» (Жизнь линий) в соответствии с образами-символами, реальными или воображаемыми, что сообщает тексту мультимодальность, соединяя языковые структуры с визуальными образами [6].

⁶ @chatgptcopycatbot (дата обращения: 20.12.2023).

⁷ Псевдоцитата, автор Соболев Г.А.

⁸ Родоман Б. Словарь для безграмотных // Проза.ру: российский литературный портал. URL: <https://proza.ru/2021/09/29/1783> (дата обращения: 16.10.2023).

Профессиональный язык ландшафтных архитекторов, включая и язык изображений и чертежей, имеет достаточно узкую целевую аудиторию заказчиков и строителей, но результаты их работы остаются тайной даже для самих авторов до момента реализации проекта. Этот профессиональный язык решает, в первую очередь, две задачи – объяснить заказчику планируемый результат работы и убедить его на реализацию, а затем объяснить подрядчикам какими средствами и способами осуществить проект. Степень этой «таинственности» пропорциональна опыту архитекторов и уровню доверия к автору со стороны заказчика. Кроме того, результат такой работы размыт во времени и может проявлять характеристики, совсем незапланированные автором, и требовать «насилия» над природой во имя сохранения «концепции» или проявления замысла. Система профессионального описания архитектуры ландшафтов является результатом внутренних интенций авторов и их до-сознаваемого образа среды, реальной, проектируемой или воображаемой, их непередаваемого «личного знания» (personal knowledge).

Любой профессионально создаваемый ландшафт имеет достаточно определённые границы контролируемого эстетического содержания. И предельной версией такого контроля можно рассматривать ландшафты французских регулярных парков периода абсолютизма, когда контроль над природой и пространством становится символом абсолютной королевской власти, а главной точкой восприятия становится точка на оси симметрии парка, другие же точки позволяют оценить этот ландшафт как единую структуру без внутренних противоречий. Описание такого ландшафта, и в лингвистическом, и в визуальном плане, становится достаточно точным, а архитектурный план не требует многосторонней визуальной «расшифровки».

Противоположный по характеру регулярному, английский пейзажный парк подразумевает постоянное изменение картин-панорам, сохраняющих интригу нового опыта, нового ракурса на каждом изгибе рельефа, что потребовало от ландшафтных архитекторов начинать работу именно с «картин» (Хамфри Рептон – яркий пример), фиксирующих наиболее важные висты и «складки» ландшафта, но всегда оставляющих лакуны в его визуальном описании. [7]. Развитие языка образов ландшафтов в искусстве шло сначала как элемент картинного фона, и пейзаж в изобразительном искусстве приобретает самостоятельность достаточно поздно, в XVII веке, а ландшафтная архитектура становится инструментом «подгонки» реальности под идеальную картину Рая на Земле.

С появлением фотографии проектный язык и приёмы ландшафтной архитектуры не сразу обретают самостоятельность. Фотографии швейцарских пейзажей Фреда Буассона начала XX века больше похожи на идиллические живописные полотна эпохи романтизма, чем на современные фото природных ландшафтов. А свои пейзажи Иван Иванович Шишкин пишет на основе фотографий реальных мест, получая возможность немного «подправить» природу без ущерба для реалистичности.

Появление кино и компьютерной графики расширили возможности визуального языка, но, по-прежнему, он остаётся существенно ограниченным, особенно в том, что касается изменений во времени. Интересен способ, использованный режиссёром Питером Гринэвеем (Peter Greenaway) в фильме «Контракт рисовальщика», в котором в каждой из сцен фильма камера строго фиксирована подобно «картинам-проектам», по которым создавались английские пейзажные парки. Именно это сознательное ограничение современных возможностей киносъёмки дополняет историчность сюжета фильма.

В проекте «Shifting Horizons», получившем Римский приз по архитектуре, британский архитектор Джон Лонсдейл (John Lonsdale) демонстрирует проектируемые изменения на период в несколько сотен лет через последовательность разрезов по ландшафту, демонстрирующих не только будущие изменения поверхности, но и геологической структуры голландских полдеров. В сочетании с макетом большого фрагмента ландшафта эти разрезы, с указанием временной шкалы, оказываются достаточными для понимания

всей концепции проекта, который имеет «предположительный» характер «нечёткой логики».

Одной из важных проблем точности языка описания в статьях об архитектуре и ландшафтах является частое использование общих понятий без их расшифровки применительно к описываемому объекту. Такие термины как «контекстуальность» или «экологичность» требуют дополнительных расширенных описаний применительно к конкретной ситуации. Например, в статье Г.И. Пименовой [8] можно заменить название села Ижма на любое другое название села Русского Севера и Северо-Востока и поставить его изображения, не меняя текст. Благодаря общим фразам текст не потребует практически никаких изменений. Приведу один из абзацев: «Генеральным планом села Ижма 2014 года предусматривается расширение территории поселения к 2030 году более чем вдвое за счёт ресурса земель, обозначенных как районы новой застройки. Такие перспективы в территориальном развитии также требуют особого подхода к разработке концепции возрождения исторического контекста села с тем, чтобы сохранить целостность и историческую гармоничность застройки». Возможно, этот текст был дополнен изображениями конкретных зданий и фрагментов села, которые уточняли ситуацию, но без расшифровки общих понятий и названия конкретных характеристик контекстуальности, экологичности, идентичности и т.п. подобные тексты несут минимум информации о месте и подходах к проектным решениям.

Мультидисциплинарный подход⁹ к описаниям проектных решений, например, закладывается во многих современных нормах для оценки экологической устойчивости ландшафтов и архитектурных сооружений, а функция архитектора как представителя целостно-синтетичной профессии, при владении словарём в широком диапазоне от образно-поэтического до научно-технического, позволяет наиболее точно передавать информацию не только профессионалам, но и пользователям, и заказчикам. Например, «Французская система HQE включает 21 категорию: энергия, вода, земля, материалы, архитектурное и природное наследие, ландшафт, качество жилья, гигиена и здоровье, безопасности и риски, качество воздуха, шумовое загрязнение, отходы, разнообразие сообщества, функции и виды деятельности, разнообразие видов жилья, образование и занятия спортом, доступность, привлекательность, мобильность, местное управление, социальный капитал»[9]. Такое разнообразие аспектов оценки существующих и проектируемых объектов архитектуры и ландшафтов ставит перед архитектором проблему адекватности и точности используемого языка описаний.

Выводы

Амбивалентность адресатов творческих теорий ландшафтной архитектуры и архитектуры зданий создаёт проблемы коммуникации специалистов и общества в целом.

Вытекающая из этого проблема языков описания эстетических характеристик ландшафтов, всегда являющихся неполными и не гарантирующими «воспроизводимость» результата, остаётся открытой.

Языковые особенности научных публикаций заведомо отсекают целые пласты визуальных и сенсорных способов описания ландшафтов и передачи опыта их осмысления и освоения. Возможно, одним из способов разрешения указанных противоречий, могла бы быть мультидисциплинарность, сочетающая «лево-» и «правополушарные» виды презентации

⁹ Мультидисциплинарными называются исследования, выполненные с привлечением методов, фактических данных и теоретических положений различных научных дисциплин. Предполагается наиболее всестороннее изучение объекта или явления, приводящее к целостному представлению, системному знанию о нём. На практике на это направлены комплексные исследования, обычно проводящиеся коллективами разноплановых специалистов // Физическая антропология. Иллюстрированный толковый словарь. URL: <http://es.niv.ru/doc/dictionary/physical-anthropology/fc/slovar-204.htm#zag-837> (дата обращения: 01.04.2024).

Необходима разработка систем описания и анализа взаимодействия с природными и антропогенными ландшафтами, позволяющих установить максимально открытый диалог специалистов и пользователей ландшафтов (постоянно проживающих сельских и городских жителей, сотрудников предприятий, дачников, туристов, мигрантов, вахтенных рабочих и т.п.).

Источники иллюстраций

Рис. 1. [1].

Список источников

1. Герриг Р. Психология и жизнь / Р. Герриг, Ф. Зимбардо. Санкт-Петербург: Питер, 2004. 954 с.
2. Husserl E. The idea of phenomenology / translation and introduction by Lee Hardy. Dordrecht; Boston; London: Kluver Academic Publishers, 1999. 60 с.
3. Worringer W. Abstraction and empathy. A contribution to the psychology of style / translated by Michael Bullock. Chicago: Elephant Paperbacks, 1997. 144 с.
4. Лоос А. Орнамент и преступление / перевод Э. Венгеровой. Москва: Strelka Press, 2018. 104 с.
5. Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Ленинград: Наука, 1982. 341 с.
6. Ingold T. The life of lines. London; New York: Routledge, 2015. 184 с.
7. Швидковский Д.О. Происхождение английского пейзажного парка // Пространство и время. 2012. №1(7). С. 141-153.
8. Пименова Г.И. Архитектурно-градостроительное наследие как фактор развития малых поселений / Г.И. Пименова, Д.Л. Коптяев, И.Л. Зуева // Architecture and Modern Information Technologies. 2021. №2(55). С. 123-142. URL: https://marhi.ru/AMIT/2021/2kvart21/PDF/09_pimenova.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-2-123-142 (дата обращения: 01.04.2024).
9. Коршаков Ф.Н. Оценка экологической устойчивости сельских населенных мест: состояние вопроса, методология / Ф.Н. Коршаков, П.М. Жук // Architecture and Modern Information Technologies. 2021. №3(56). С. 247-262. URL: https://marhi.ru/AMIT/2021/3kvart21/PDF/16_korshakov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-3-247-262 (дата обращения: 01.04.2024).

References

1. Gerrig R., Zimbardo F. *Psikhologiya i zhizn'* [Psychology and life]. Saint Petersburg, 2004, 956 p.
2. Husserl E. The idea of phenomenology. Dordrecht, Boston, London, Kluver Academic Publishers, 1999, 60 p.
3. Worringer W. Abstraction and empathy. A contribution to the psychology of style. Chicago, Elephant Paperbacks, 1997, 144 p.
4. Loos A. *Ornament i prestupleniye. Perevod E. Vengerovoy* [Ornament and crime]. Moscow, 2018, 104 p.

5. Likhachev D.S. *Poesia sadov. K semantike sadovo-parkovikh stiley* [Poetry of gardens. On the semantics of garden styles]. Leningrad, 1982, 341 p.
6. Ingold T. *The life of lines*. London, New York, Routledge, 2015, 184 p.
7. Shvidkovsky D.O. *Proiskhozhdeniye angliyskogo peyzazhnogo parka* [The origins of English picturesque park]. *Prostranstvo i Vremya*, 2012, no. 1(7), pp. 141-153.
8. Pimenova G., Koptyaev D., Zueva I. Architectural and Urban Heritage as a Factor in the Small Settlements Development. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2021, no. 2(55), pp. 123–142. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2021/2kvart21/PDF/09_pimenova.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-2-123-142
9. Korshakov F., Zhuk P. Rural Settlements Environmental Sustainability Assessment: State of the Problem, Methodology. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2021, no. 3(56), pp. 247–262. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2021/3kvart21/PDF/16_korshakov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-3-247-262

ОБ АВТОРЕ

Соболев Глеб Анатольевич

Кандидат экономических наук, доцент, кафедра «Дизайн архитектурной среды», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия; член Союза Московских Архитекторов
ya@gsobolev.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sobolev Gleb A.

PhD in Economics, Assistant Professor, Department of Design of Architectural Environment, Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia; Member of the Union of Moscow Architects
ya@gsobolev.ru